

Не считая черных. Джордж Оруэлл

Лет десять назад всякого, кто предсказал бы нынешний политический расклад, сочли бы сумасшедшим. И однако нынешнюю ситуацию – не в деталях, конечно, а в общих чертах – следовало бы предвидеть еще в золотой век до Гитлера. Как только безопасность Британии подверглась серьезной угрозе, нечто подобное должно было произойти.

В благополучной стране и, прежде всего, в стране империалистической, левая политика – всегда отчасти надувательство. Не может быть реальной перестройки, которая не привела бы, по крайней мере, на время к падению уровня жизни в Англии – иначе говоря, большинство левых политиков и публицистов – это люди, которые зарабатывают на жизнь, требуя того, чего на самом деле не хотят. Пока всё идет хорошо, они – пламенные революционеры, но при всяком серьезном осложнении немедленно выясняется, что это – притворство. Малейшая угроза Суэцкому каналу, и «антифашизм» и «защита британских интересов» оказываются синонимами.

Было бы очень легкомысленно и несправедливо утверждать, что в так называемом «антифашизме» нет ничего, кроме беспокойства за британские дивиденды. Однако же политические непристойности последних двух лет, какая-то чудовищная арлекинада, когда все прыгают по сцене с картонными носами, – квакеры требуют большей армии, коммунисты размахивают Юнион Джеком, Уинстон Черчилль изображает демократа – были бы невозможны, если бы не виноватое чувство, что все мы в одной лодке. Во многом против своей воли британский правящий класс был вынужден занять антигитлеровскую позицию. Не исключено, что он еще найдет возможность ее покинуть, но сейчас он вооружается в ожидании войны и почти наверняка будет драться, когда дело дойдет до того, что ему придется отдать часть собственного имущества, а не имущества чужих народов, как до сих пор. А оппозиция, между тем, вместо того, чтобы пытаться остановить сползание к войне, рвется вперед, готовит почву, стараясь предотвратить возможную критику. Пока, насколько можно видеть, английский народ все еще крайне враждебен к идее войны, но в том, что он постепенно с ней примиряется, повинны не милитаристы, а «антимилитаристы» пятилетней давности. Лейбористская партия лицемерно ворчит по поводу воинской повинности, и в то же время ее пропаганда делает всякую реальную борьбу против призыва невозможной. С заводов потоком идут пулеметы Брена, из типографий потоком книги типа «Танки в будущей войне», «Газ в будущей войне» и т. п., а воители из «Нью стейтсмена» прячут это за дымовой завесой фраз вроде «Силы мира», «Фронт мира», «Демократический фронт» и вообще изображают человечество в виде комбинации из овец и козлиц, четко разделенных национальными границами.

В связи с этим стоит присмотреться к наделавшей шума книге Кларенса Стрейта «Союз сегодня». Как и сторонники «мирного блока», мистер Стрейт желает, чтобы демократии объединились против диктатур, но книга его выделяется из ряда подобных по двум причинам. Во-первых, он идет дальше многих других и предлагает план, пусть озадачивающий, но конструктивный. Во-вторых, несмотря на наивность в духе американской наивности 20-х годов, у него мышление порядочного человека. Ему действительно ненавистна мысль о войне, и он не опускается до лицемерных утверждений, будто любая страна, посулами или угрозами втянутая в британскую орбиту, мгновенно становится демократией. Поэтому его книга может послужить своего рода эталоном. Тут теория овец и козлиц представлена в наилучшем виде. Если вы не можете принять ее в такой форме, то давно не примете в той форме, в какой ее проповедует Книжный клуб левых.

Вкратце, мистер Стрейт предлагает, чтобы демократические страны, начиная с пятнадцати конкретно поименованных, добровольно объединились в союз – не лигу, а именно союз, наподобие Соединенных Штатов, с общим правительством, общими

деньгами и полной свободой внутренней торговли. Первые пятнадцать государств это, разумеется, США. Франция, Британия, самоуправляющиеся доминионы Британской империи и более мелкие европейские демократии, без Чехословакии, которая еще существовала, когда писалась книга. Позже в союз могут быть приняты другие страны, если «покажут себя достойными». Подразумевается, что мир и благосостояние в союзе столь завидно, что остальные только и мечтают к нему присоединиться.

Надо заметить, что проект этот не так фантастичен, как кажется. Конечно, он не осуществится – ничто, рекомендуемое благонамеренными литераторами, никогда не осуществляется, – и некоторые трудности мистер Стрейт оставляет без внимания; но в принципе нечто подобное могло бы осуществиться. Географически США и западноевропейские демократии ближе друг к другу, чем, например, части Британской империи. Торгуют они по большей части друг с другом, на своих территориях располагают всем необходимым, и мистер Стрейт, вероятно, прав, утверждая, что ввиду большого превосходства сил нападение на них будет делом безнадежным, даже если в союзе с Германией выступит СССР. Так почему же с первого взгляда видно, что в этом проекте что-то не так? Чем от него пахнет? А от него пахнет, это несомненно.

Пахнет от него, как обычно, лицемерием и самодовольством. Сам мистер Стрейт не лицемер, но кругозор его ограничен. Взглянем еще раз на этот список овец и козлиц. На козлиц пялиться излишне (Германия, Италия и Япония), это козлица несомненные. Но присмотримся к овцам! США, может, и пройдут осмотр, если не слишком приглядываться. Но Франция? Но Англия? Или даже Бельгия и Голландия? Как и все, принадлежавшие к этой школе мыслителей, мистер Стрейт хладнокровно поместил огромную Британскую и Французскую империи – по сути, не что иное, как механизмы для эксплуатации дешевого труда цветных, – в рубрику «демократии»!

Там и сям в книге, хотя не часто, упоминаются страны, «зависимые» от демократических государств. «Зависимые» означает подвластные народы. Объясняется, что они останутся зависимыми, что их ресурсы вольются в ресурсы союза, а их цветное население не будет иметь голоса в делах союза. Пока не заглянешь в статистические таблицы, в голову не придет, о каком числе людей идет речь. Индии, например, где обитает больше народу, чем во всех «пятнадцати демократиях», взятых вместе, уделено в книге мистера Стрейта всего полторы страницы, и то – с единственной целью объяснить, что Индия не готова к самоуправлению и статус-кво должно сохраняться. Здесь начинаешь понимать, что произойдет на самом деле, если проект мистера Стрейта станет осуществляться. Британская и Французская империи, с их шестьюстами миллионами бесправных обитателей, просто получают полицейское подкрепление; ограбление Индии и Африки поддержит громадная мощь США. Мистер Стрейт выдает себя, но и все фразы, вроде «Блок мира», «Фронт мира» и т. п. наводят на ту же мысль: все подразумевают укрепление существующей структуры. Не произносится вслух каждый раз одно: «не считая черных». Ибо как мы можем «решительно противостоять» Гитлеру, если ослабим себя внутри? Другими словами, можем ли мы «сражаться с фашизмом» иначе, как усугубив несправедливость?

А ее, конечно, станет больше. Мы всегда забываем, что подавляющее большинство британского пролетариата живет не в Британии, а в Азии и в Африке. Гитлер, например, не в силах установить заработную плату рабочему пенс в час; в Индии же это в порядке вещей, и мы очень стараемся сохранить этот порядок. О реальных отношениях Англии с Индией можно судить по тому, что годовой доход на душу населения в Англии равняется примерно 80 фунтам, а в Индии – примерно 7. Нет

ничего необычного в том, что нога индийского кули тоньше руки среднего англичанина. И это не расовое различие, ибо сытые представители тех же рас обладают нормальным сложением; это – попросту результат голода. Это – система, в которой мы продолжаем жить и которую осуждаем, когда не опасаемся, что она будет изменена. Но сегодня первой обязанностью «хорошего антифашиста» стало лгать об этом и способствовать ее сохранению.

Чего же будет стоить урегулирование на этих принципах? Что оно означало бы, даже если бы нам удалось разрушить гитлеровскую систему, дабы стабилизировать нечто гораздо большее и на свой манер не менее скверное?

Но, по-видимому, из-за отсутствия реальной оппозиции именно это и будет нашей целью. Остроумные идеи мистера Стрейта не осуществляются, но нечто, напоминающее «Мирный блок», осуществится может. Британское и русское правительства все еще торгуются, канителют и глухо угрожают перейти на другую сторону, но обстоятельства, вероятно, сведут их вместе. И что тогда? Союз, без сомнения, отсрочит войну на год или два. Затем Гитлер сделает ход: ударит по слабому месту в неожиданный момент; нашим ответным ходом будет – больше вооружений, большая милитаризация, больше пропаганды, больше воинственности и так далее, с возрастающей скоростью. Сомнительно, что длительная подготовка к войне в нравственном отношении лучше самой войны; не исключено, что она даже чуть хуже. Какие-нибудь два-три года, и мы можем почти без сопротивления скатиться до какой-то местной разновидности австро-фашизма. И может случиться так, что еще через год или два в качестве реакции на него возникнет то, чего еще никогда не было у нас в Англии, – настоящее фашистское движение. И поскольку у него хватит смелости говорить открыто, оно соберет под свои знамена тех самых людей, которым полагалось бы с ним бороться.

Дальнейшее предвидеть трудно. Сползание происходит потому, что почти все социалистические лидеры в решающий момент оказываются всего лишь оппозицией Его Величества, а кроме них, никто не знает, как воззвать к порядочности английского народа, с которой сталкиваешься повсюду, когда разговариваешь с людьми, а не читаешь газеты. Вряд ли что спасет нас, если в ближайший год или два не возникнет действительно массовая партия, которая пообещает помешать войне и исправить имперские несправедливости. Но если такая партия сейчас и существует, то только в качестве возможности – нескольких крохотных зернышек, лежащих там и сям в неорошаемой почве.

1939 г.